

СИБИРСКАЯ РЕФОРМА М.М. СПЕРАНСКОГО 1822 г. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ИМПЕРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

В истории Российской империи сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г. – первый опыт разработки регионального законодательства, учитывавшего геополитические особенности региона. Сибирское законодательство 1822 г. было призвано теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства. Административные преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. «Сибирский вопрос» олицетворял собой «азиатское» направление в административной политике царизма.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; империя; центр; окраины; регионализм; управление; законодательство.

В июне 2017 г. исполняется 195 лет со времени проведения известных реформ М.М. Сперанского в Сибири. Преобразования 1822 г. оказали существенное влияние на многие стороны жизни огромного уральского края и в своих основных положениях действовали вплоть до падения империи в 1917 г. Не будет преувеличением утверждение о том, что отдельные положения административной реформы М.М. Сперанского 1822 г., например, разделение Сибири на Западную и Восточную и некоторые другие, в известной степени сохраняют свое значение и сегодня. За 195 лет, которые отделяют нас от изучаемой эпохи, накопилось немало документальных публикаций и исследований, посвященных деятельности М.М. Сперанского в Сибири. Историки, публицисты, мемуаристы неоднократно обращались к событиям 1819–1822 гг. Вокруг сибирской деятельности и реформ М.М. Сперанского шла, а отчасти и до сих пор идет оживленная дискуссия, высказываются различные оценки, сталкиваются идеи и мнения. Сибирская реформа 1822 г. стала, таким образом, заметной историографической темой, заслуживающей специального рассмотрения. Несомненно, требует особого прочтения и история создания в 1822 г. Советов Главных управлений Западной и Восточной Сибири, равно как губернских и окружных советов, их компетенция, состав, взаимоотношения с «главными начальниками края» и т.д. Все вышесказанное дает основания еще раз обратиться к оценке сибирских реформ М.М. Сперанского в той их части, которая в исторической литературе получила название «принцип имперского регионализма» [1].

В истории Российской империи первый опыт разработки законодательства, основанного на географических, природно-климатических факторах, этнических, конфессиональных, внешнеполитических и иных особенностях региона, связан с именем М.М. Сперанского. За трехлетний срок пребывания в Иркутске Сперанским и его помощниками был разработан пакет из 10 законопроектов, вошедший в литературу вопроса под названием «сибирское учреждение» или «сибирские реформы» 1822 г. Это «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинно-

стях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами» [2]. Итоговый пакет документов в окончательном виде включает в себя 10 законопроектов, состоящих из 4 019 параграфов, и отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. Мотивы, характерные для политики имперского регионализма, наиболее отчетливо проявились в двух документах этого уникального законодательного комплекса: «Учреждение для управления Сибирских губерний» и «Устав об управлении инородцев». В обоих законах нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на обычно-правовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов. Они содержат такие важные с точки зрения юриспруденции понятия, как «территория», «законодательство», «управление», «устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом [3. § 1–8], а в «Уставе об управлении инородцев», прежде всего, даются юридическое и экономическое обоснования необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, – определяются права и обязанности каждого из разрядов [4. § 1–4].

Необходимо подчеркнуть, что Сибирское законодательство 1822 г., как и ряд иных нормативных актов по управлению окраинами империи, например Конституция Польши 1815 г., законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты и прагматизма и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти. Компаративный анализ нормативных

актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но, наоборот, дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством. Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г. Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К Западной Сибири были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область, к Восточной Сибири – Иркутская, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление. Губернии делились на округа, а последние – на волости и иногородные управы. Разделение Сибири на две большие административные группы не было совершенно новой идеей. Отчасти это было возвращением к прежней административной практике Тобольского и Иркутского наместничеств. В отчете о ревизии М.М. Сперанский ссылаясь как на прежний опыт, так и на рекомендации известных ученых П. Палласа и И. Гмелина. При обосновании разделения Сибири на две части законодатель постарался учесть целый ряд факторов: невозможность управлять краем из одного регионального центра, естественно-географические условия, численность, размещение и этнический характер населения, развитие торговли и промышленности, горного промысла, снабжение продовольствием, пограничное управление. Если задача установления законности в управлении, по мнению М.М. Сперанского, достигалась созданием ряда особых сибирских уставов и положений, то вторая задача предусматривала создание такой административной системы, которая смогла бы сдерживать личный произвол в управлении. Г.С. Батеньков определял эту задачу как стремление поставить генерал-губернатора в правовые рамки, разделить «власть и исполнение».

Существенной особенностью генерал-губернаторского управления в Сибири стала реализация в виде Советов Главных управлений, губернских и окружных советов идеи создания при территориальных начальниках коллегиальных совещательных органов, которые корректировали бы действие единоличной власти. Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора, в его состав входили три члена от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и три члена в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора. М.М. Сперанский вначале планировал довольно широкий состав Совета, предлагая кроме вышеназванных советников включить в него представителя Военного министерства (начальника внутренней стражи), окружного начальника путей сообщения, губернатора, председателей основных губернских учреждений, прокурора. Но в окончательной редакции проекта он отказался от этой мысли. Небольшой состав Совета показался предпочтительней, чтобы обеспечить более высокую оперативность в обсуждении дел. Отказ от выборного начала при

формировании сибирских советов разных уровней управления М.М. Сперанский объяснял отсутствием в Сибири дворянства и достаточного количества купечества. Основной задачей Главного управления должно было стать осуществление общего надзора за деятельностью местной администрации. Совет Главного управления имел лишь совещательные функции, и генерал-губернатор не был связан его решением. При разногласии генерал-губернатора с Советом по этой категории дел высшей инстанцией выступал уже Сенат. Создание Советов Главных управлений не было в чистом виде возвращением к коллегиальности в местном управлении, это была бюрократическая комбинация, в которой мнения членов без труда поглощались высшей властью председателя.

Аналогичная Главному управлению модель устанавливалась на губернском и окружном уровнях. В губерниях различалось так называемое общее и частное (отраслевое) управление. В губернском совете под председательством губернатора вошли председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Упразднялась должность вице-губернатора, он превращался в председателя казенной палаты. Вторым же лицом в губернии после губернатора теперь становился председатель губернского правления. М.М. Сперанский именовал губернатора «хозяином» губернии и предпринял конкретные шаги к объединению частных управлений в губернии, «чтоб части сии одна другой способствовали, и чтоб весь состав губернского управления представлял нечто целое и совокупное» [3. § 85]. Существенной функцией губернатора и губернского совета являлся надзор над всей губернской и окружной администрацией. В непосредственной власти губернатора оставались наиболее важные вопросы управления, надзора и даже судопроизводства. Основным средством надзора губернатора оставались обозрения губернских и окружных учреждений и ревизия делопроизводства в них. От него фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии, представление их к наградам. Губернатору было предоставлено право пересмотра уголовных дел, закрепляющее вмешательство администрации в судебный процесс. Все вышеизложенное свидетельствовало о преимущественном положении в управлении полиции, подведомственной губернатору и губернскому правлению.

Областные учреждения являлись, по сути, приспособлением губернского управления к местным условиям [5. С. 35–39]. Уезды в Сибири были переименованы в округа. В зависимости от количества населения окружные и городские управления делились на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в многолюдных округах и городах предусматривался полный набор учреждений.

М.М. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть в Сибири, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Он намеревался строить эту власть на несколько иных принципах: законность, разделение и единство власти, создание противовесов единоличной власти на всех уровнях управления. Осторожность, умение ла-

вировать, учитывать всевозможные влияния и мнения – эти качества всегда были присущи М.М. Сперанскому. Опала и Сибирь лишь обострили их.

Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал «Устав об управлении инородцев» – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав» 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX столетия, регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, причем «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской. «Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь незначительные исключения из этих правил. Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала и русификаторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы «Устава» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины. Хозяйственная деятель-

ность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами. «Устав» сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», – говорилось в «Уставе». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника. Сохраняя, таким образом, патриархально-феодалные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу. Самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную верхушку «инородческого» общества. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодалные отношения, но не уничтожал их.

«Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Стремясь поднять платежеспособность «инородцев», Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В «Уставе» отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами разрешалось сдавать ясак пушниной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую». «Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки

надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и сугланах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», – говорилось в документе. Некрещеные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой. В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов. Данный закон вплоть до конца XIX в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно у сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

Одним из важных последствий введения «Устава» 1822 г. в практику стала кодификация норм обычного права сибирских народов, что и предусматривалось М.М. Сперанским. В итоге было создано два законодательных памятника: «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев для Западной Сибири». До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С течением времени

эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т.д. приняли нормы права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал «Устав» Сперанского. Сама идея кодификации отражала существующее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношения с сибирскими «инородцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи [6. С. 30]. Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам «Устава» казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжение губернской администрации и переводе «Устава» Сперанского на «инородческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов выступали представители родовой знати. По полноте собранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский комитет. Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «инородцев» весьма показательна. Она свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительственных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела, споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав казны и Кабинета на инородческие земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д.Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта свода законов. Правительство все-таки волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «окраинных» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах – императорский Кабинет, императорская Канцелярия, Государственный совет – обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезным, а вредным». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. За четверть века, прошедших со времени принятия Устава, поток русских переселенцев в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быту народов

Сибири намечались значительные изменения. На это прямо указал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, предложивший управление «иногородцами» подчинить общеимперскому законодательству. В середине XIX в. обычное право для большинства народов было уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Административные преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири», окраинной политики государств в целом. Первая четверть XIX в. ознаменовалась обострением внимания самодержавия к организации управления окраинами. Появился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от федеративных принципов до простой децентрации административного аппарата. В 1809 г. были приняты особые законы для Финляндии, в 1815 г. – Царству Польскому была «дарована» конституция; автономное управление существовало в 1812–1828 гг. в Бессарабии; действовало особое законодательство по

управлению Прибалтийскими губерниями; разрабатываются специальные положения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем, Областью Войска Донского [7]. В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который, помимо внешнеполитических вопросов, занимался делами по управлению казахом. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику самодержавия в Сибири. «Сибирский вопрос», таким образом, стал составной частью правительственных планов по реорганизации управления национальными окраинами и олицетворял собой «азиатское» направление в административной политике царизма. Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М.М. Сперанским, стала отражением правительственных поисков оптимального административного устройства регионального управления. В этом смысле она связана с целым рядом проектов, выдвинутых в начале XIX в., и находится в русле общих процессов перестройки системы государственного механизма. «Сибирское учреждение» 1822 г. вплоть до конца XIX в. определило основные принципы административно-территориального устройства региона. Преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную политику не только в отношении Сибири, но и окраин империи в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Ремнев А.В., Перцева Т.А. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. 262 с.
2. Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988. С. 114–123.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 38, № 29125. С. 345–394.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 38, № 29126. С. 394–417.
5. Кузнецова Е.А. Область как единица административно-территориального деления Сибири в 1822–1858 гг. // История и общество в панораме веков : материалы Всесоюз. Байкал. историч. школы. Иркутск, 1990. С. 35–39.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
7. Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2017 г.

SIBERIAN REFORMS OF 1822 BY SPERANSKY AS A MANIFESTATION OF THE PRINCIPLES OF IMPERIAL REGIONALISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 88–93.

DOI: 10.17223/15617793/426/10

Lev M. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com

Irina L. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dameshek@rambler.ru

Keywords: Russia; Siberia; empire; center; margin; regionalism; governance; law.

The authors of the article believe that in the history of the Russian Empire Siberian reforms of 1822 by M.M. Speransky were the first experience of working out regulations based on geographical, natural and climate factors, ethnic, confessional and foreign policy characteristics of the region. For three years Speransky and his assistants drafted 10 legislative proposals known as the Siberian reforms of 1822. The proposals were composed of 4019 paragraphs and they were outstood by analysis that was very extensive for its time. The authors believe that the Siberian Regulations of 1822 were characterized by pragmatism and tolerance. They meant to correlate the bordering territories with the historical center of the Empire, to ensure internal and external security, social stability on the territory of the Empire. Asiatic Russia was divided into two governorate-generals: West-Siberian with the center in Tobolsk, and East-Siberian with the center in Irkutsk. West-Siberian Governorate-General included Tobolsk and Tomsk Guberniyas, Omsk Oblast. East-Siberian Governorate-General included Irkutsk, the newly formed Yeniseisk Guberniyas, Yakutsk Oblast, Okhotsk and Kamchatka Coastal Administration, Troitskosavsk Border Service Administration. The governorates were divided into districts, and dis-

tricts were divided into volosts and non-Russian municipal councils. The authors believe that an essential feature of the governor-general administration in Siberia was a deliberative body affiliated with the territorial administration. The chairman of the Council of the Central Administration was the governor-general. The Council consisted of three members from the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Justice and the Ministry of Finance, and three members as referendaries appointed by the governor-general. Revisions and reforms by Speransky related to the indigenous people of the area resulted in drafting the Regulations on the Governance of Non-Russians, according to which the native peoples were divided into “settled”, “nomadic” and “wandering” groups. The division aimed to make the “nomadic and wandering” peoples the “settled” ones. The Regulations of 1822 stipulated that all Non-Russians as the Empire subjects were to be assigned land. The principle of free private trade with Siberian Non-Russians was introduced. By encouraging the middle class Speransky tried to introduce taxation of the indigenous people. In matters of religion, the Regulations were based on the approach of religious tolerance. The Regulations enabled indigenous people, subjected to taxation, to send their children to state schools and establish local specialized schools. The authors come to a conclusion that the administrative reforms by Speransky made alterations to the marginal policy of the autocratic government. The authors of the article believe it was the first attempt to develop a concept of administration in Siberia. Therefore, the Siberian reforms were an integral part of the reorganization of governance of national bordering territories and represented the Asiatic direction in the administration policy of the Empire.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Remnev, A.V. & Pertseva, T.A. (2003) *M.M. Speranskiy: sibirskiy variant imperskogo regionalizma* [M.M. Speransky: Siberian version of imperial regionalism]. Irkutsk: Ottisk.
2. Kodan, S.V. (1988) M.M. Speranskiy i kodifikatsiya sibirskogo zakonodatel'stva [M.M. Speransky and codification of the Siberian legislation]. In: Shcherbakov, N.N. (ed.) *Politika samoderzhaviya v Sibiri XIX – nachala XX v.* [The policy of autocracy in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38:29125. St. Petersburg: Tip. E.I.V. pp. 345–394.
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38:29126. St. Petersburg: Tip. E.I.V. pp. 394–417.
5. Kuznetsova, E.A. (1990) [Oblast as a unit of the administrative-territorial division of Siberia in 1822–1858]. *Istoriya i obshchestvo v panorame vekov* [History and society in the panorama of centuries]. Proceedings of the all-Union Baikal historical school. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 35–39. (In Russian).
6. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social history of Russia during the period of the empire (17th – early 20th centuries): in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. Dameshek, I.L. (2005) *Rossiyskie okrainy v imperskoy strategii vlasti (nachalo XIX – nachalo XX v.)* [Russian borderlands in the imperial strategy of the authorities (early 19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University.

Received: 16 October 2017